

Михаил Волконский

ДВЕ ЖИЗНИ

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
В67

Волконский, М.

В67 Две жизни / М. Волконский. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 278 с.

ISBN 978-5-519-61922-6

Михаил Николаевич Волконский (1860–1917) – русский писатель и драматург, получивший признание благодаря своим историческим и пародийным произведениям.

Роман «Две жизни» переносит читателя в неповторимую атмосферу двора императрицы Екатерины II, полную секретов и роковых случайностей, поскольку помимо «официальной» истории всегда существует и неофициальная, тайная, загадочная, сплетающаяся из множества интриг и запутанного клубка отношений, истинный смысл которых, возможно, станет понятен лишь спустя века...

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC004000

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	5
Глава первая.....	7
Глава вторая.....	33
Глава третья.....	56
Глава четвертая.....	81
 ЧАСТЬ ВТОРАЯ.....	 111
Глава первая.....	113
Глава вторая.....	144
Глава третья.....	173
Глава четвертая.....	202
Глава пятая.....	231
Глава шестая.....	252
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	 271

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

В середине июня 1789 года, когда императрица Екатерина II вместе со своим двором находилась в Царском Селе в летней резиденции, произошло обстоятельство, не отмеченное в исторических летописях и оставшееся совершенно неизвестным, но тем не менее имевшее некоторое влияние на ход событий последних лет царствования великой императрицы.

Давно уже доказано, что наряду с так называемой официальной историей, несомненно, существует неофициальная, тайная, сплетающаяся из целого ряда интриг и отношений, разгадать и открыть которые представляется возможным лишь спустя многие годы. И сколько раз подобные открытия давали вдруг совершенно неожиданно объяснения явлениям, казавшимся случайными, и соединяли эти казавшиеся случайными явления в последовательную и логически развивающуюся цель.

Есть, например, серьезные исторические данные к тому, чтобы считать, что душою переворота 1762 года, возведшего на русский престол принцессу Ангальт-Цербстскую, супругу императора Петра III, Екатерину, был известный граф Сен-Жермен, оставивший на западе Европы по себе память как исключительный человек, владевший тайнами природы и располагавший поразительной, чуть ли не волшебной силой.

Граф Сен-Жермен был в Ангальт-Цербсте другом матери Екатерины и в 1762 году был в России под именем пьемонтца Одара, жившего на маленькой мызе, на месте,

где возникло потом Царское Село с его великолепным дворцом и парком. На той мызе, в помещении, занимаемом пьемонтцем Одаром, происходили все совещания съезжавшихся сюда секретно участников переворота 1762 года. Очевидно, граф Сен-Жермен руководил ими, и они знали, кто скрывается под скромным именем пьемонтца.

До нашего времени дошел список всех получивших награды при восшествии на престол Екатерины II. В нем помечены все, так или иначе способствовавшие этому «действию», как выражались тогда, и один только пьемонтец Одар не упомянут.

Подобный пропуск, разумеется, не может быть случайным, так как Одар являлся слишком деятельным лицом и его слишком хорошо знали все главари заговора. Знала его лично и сама Екатерина.

Сен-Жермен, действовавший под именем Одара, не получил награды за свои труды, потому что был единственным, исключительным человеком, не нуждающимся ни в чем из того, что могла дать даже такая всемогущая государыня, как Екатерина. В самом деле, она могла предоставить ему почести, власть, деньги, и только. Для огромного большинства и почести, и власть, и деньги являлись неудержимым соблазном, но для Сен-Жермена ни то, ни другое, ни третье не представляло цены, потому что он решительно не нуждался ни в том, ни в другом, ни в третьем. Почет у него был в силу его огромных знаний, которые давали ему дружбу коронованных особ и ставили его выше всех приближенных слуг и подчиненных государей. В то время как придворные искали перед властителем, сами эти властители не прочь были искать рас-

положения такого человека, как граф Сен-Жермен. Власти ему было не дано, потому что он, опять-таки в силу своих знаний, мог владеть волею других людей, то есть обладал такой властью, позавидовать которой мог и король. Наконец, в деньгах он не нуждался, потому что, как говорили, обладал секретом «философского камня», то есть мог превращать, любой металл в золото, а простой уголь — в чистейшей воды бриллиант.

Правда, подлинных доказательств этого его искусства не сохранилось, и сам Сен-Жермен никогда положительно не утверждал, что ему известен «философский камень», творящий такие чудеса. Но вместе с тем он никогда и не отрицал этого, а когда ему предлагали денег — доставал из кармана горсть самоцветных камней и спокойно говорил:

— Согласитесь, что тому, у кого полон карман драгоценностей, деньги не нужны.

И действительно, карманы у него всегда были полны драгоценностями.

Кроме всего этого граф Сен-Жермен обладал огромною памятью и хранил в ней многие исторические подробности с такою ясностью, как будто сам присутствовал при них. Что же касается будущего, то оно, по-видимому, для него было так же ясно, как прошедшее, и он читал в нем так же свободно, как в любой самой обыкновенной книге.

Таким образом, чем могла наградить и что была в силах дать подобному человеку императрица Екатерина, которой он помог взойти на престол, руководя ее сподвижниками?

А что именно он руководил, то об этом сохранилось, как исторический факт, свидетельство одного из этих сподвижников, графа Алексея Орлова, который, проживая за границей после смерти императрицы Екатерины, в царствование уже Павла Петровича, встретив при одном из маленьких германских дворов графа Сен-Жермена, отнесся к нему чрезвычайно почтительно и в присутствии большого придворного кружка открыто назвал его «отцом переворота 1762 года».

Но кто знал, когда в свое время приезжал в Россию граф Сен-Жермен, что его приезд будет иметь столь значительные последствия?

Вот точно так же и обстоятельство, случившееся в середине июня 1789 года, прошло совершенно незамеченным, и только посвященные знали, что оно может быть чревато последствиями.

Обстоятельство же это заключалось в том, что в поздний час сумеречно-белой петербургской июньской ночи в Царское Село въехала большая, запряженная четвериком цугом карета, так называемый дормез, с увязанными на ней чемоданами, сундуками и баулами и была остановлена у заставы, где досмотр производился особенно строго, потому что двор в это время находился тут, в Царском.

II

В этой карете сидел высокий, худой старик с гладко выбритым, несмотря на сделанное, видимо, далекое путешествие, лицом, в парике и в одежде по старой французской моде и в плоской треугольной шляпе. Цвет его одежды был очень скромный — темно-коричневый, ни-